

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2021. № 24. 182 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2021.
No. 24. 182 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий,
С. А. Васильев (редактор-составитель), М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий,
М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель главного редактора), А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, S. A. Vasiliev (drafting editor),
M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor),
A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стеганцева, А. В. Фрибус

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva, A. V. Fribus

В № 24 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя палеолита Северной, Восточной и Центральной Азии С. Н. Астахова, а также новейшие работы по каменному веку Урала, Сибири, Дальнего Востока. Представлена также серия статей, посвященных материалам одного из ключевых памятников верхнего палеолита Русской равнины — стоянки Сунгирь, открытие которой связано с именем С. Н. Астахова.

Издание адресовано археологам, антропологам, геологам, палеогеографам.

The 24th issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents papers centering on the research biography of S. N. Astakhov, an outstanding researcher of the Paleolithic of Northern, Eastern and Central Asia, as well as new works about the Stone Age of Ural, Siberia and the Far East. In addition, the volume includes a series of papers devoted to the materials of one of the key Upper Paleolithic localities of the Russian Plain — the Sunghir site, the discovery of which is linked with the name of S. N. Astakhov.

The volume is intended for archaeologists, anthropologists, geologists and paleogeographers.

УКРАШЕНИЯ И ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ ПРЕДМЕТЫ СТОЯНКИ СУНГИРЬ: КРАТКИЙ ОБЗОР

В. С. ЖИТЕНЕВ¹

Ключевые слова: *верхний палеолит, Сунгирь, украшения, орнамент, бивень, палеолитическое искусство.*

В статье рассматриваются украшения и предметы искусства со стоянки Сунгирь. Характер культуры этого памятника верхнего палеолита до сих пор вызывает споры. Первые результаты комплексного исследования украшений и орнаментированных предметов позволяют по-новому оценить этот материал с точки зрения взаимоотношения разных участков стоянки и погребений. Решению этой проблемы помогло выявление индивидуальных технологий изготовления бусинок определенных типов. Результаты изучения технологии изготовления орнамента и принципов его расположения позволили выявить типичные культурные особенности Сунгирия. Определенное влияние на технику изготовления некоторых видов сунгирских подвесок оказали традиции начального верхнего палеолита Русской равнины (2-й слой Костёнок 17). Ориньякские традиции в украшениях и орнаментальных мотивах сходны как в редких материалах Русской равнины, так и в материалах Центральной и Западной Европы. Сложная мозаика культурных явлений в материалах Сунгирия позволяет по-новому взглянуть на культурные и исторические процессы (включая миграцию людей и идей), которые происходили в Европе в раннем верхнем палеолите.

DOI: 10.31600/2310-6557-2021-24-52-66

Введение

Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь, возраст которой является предметом многолетних дискуссий, по данным последних исследований относится ко времени около 34 000–30 000 калиброванных лет назад (Kuzmin et al. 2014; Marom et al. 2012; Sikora et al. 2017). Коллекция из раскопок составляет более 80 000 предметов (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь... 1998). В культурном слое и в погребениях стоянки найдены серии разнообразных украшений, в том числе пронизки из трубчатых костей и трубок ископаемых червей, подвески из клыков песка, подвеска из клыка волка, бусины и подвески из бивня, кости и камня; браслеты, кольца, резные диски из бивня. Возможно, к украшениям относятся некоторые из ископаемых палеогеновых раковин *Gryphaea* с отверстиями (Бадер 1978; Житенев 2007; 2011;

¹ Кафедра археологии, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 119192, Россия.

White 1992). Примечательно, что в культурном слое были найдены украшения, отсутствовавшие в погребениях. Сообщение О. Н. Бадера о наличии в культурном слое стоянки подвесок из белемнитов, на мой взгляд, неверно (Бадер 1978; Zhitenev 2017). Имеющиеся в коллекции предметы с «нарезками» представляют собой результат сегментирования белемнитов, но не производства украшений. Технология сегментации белемнитов имеет сходство с материалами из Костёнок 17, слой 2.

Украшения

Большинство украшений было найдено около погребений и непосредственно в них (рис. 1–4). На стоянке Сунгирь известны как минимум два погребальных объекта. Женский череп (С-5) был расположен на поверхности могилы 1, над погребением мужчины (С-1), которое находилось на дне этого же объекта. Верхним погребением могилы 2 является женское (?) погребение посткраниальных останков (С-6). Нижним погребением в этом же объекте является совместное захоронение детей: С-2 — южное погребение подростка-мальчика, С-3 — северное погребение ребенка, мальчика, который раньше был идентифицирован как девочка (Sikora et al. 2017).

В женском (?) погребении (С-6) непосредственно в могиле были найдены 19 украшений (17 просверленных и непросверленных бусин из бивня, один перфорированный клык песца, кольцо из бивня), в то время как более 130 украшений располагались выше, и связь их с погребением неочевидна (Бадер 1973: 138). В мужском погребении было найдено около 3600 украшений (Бадер 1967: 156).

В детском погребении было обнаружено всего 9343 экз. целых украшений, 834 обломка и 151 бусина, которые из-за состояния полевой документации (а именно отсутствия этикеток) невозможно отнести ни к погребению мальчика, ни к погребению девочки (Zhitenev 2017). В северном погребении мальчика (С-3) зафиксировано 4849 экз. целых украшений и 425 обломков; из них лишь один клык песца, располагавшийся под нижней челюстью. С костными останками другого мальчика (С-2) связано 4494 экз. целых украшений и 409 обломков; из них 185 целых клыков песца и не менее 43 обломков. В районе черепа было обнаружено 42 целых клыка, количество обломков точно неизвестно. У правого плеча вместе с 21 бусиной из бивня зафиксировано три клыка песца. У запястья правой руки вместе с 10 бусинами из бивня найдены четыре клыка. В районе пояснично-крестцового отдела зафиксировано 136 целых клыков и не менее 43 обломков.

Подвески из клыков песца (рис. 4) представляют собой наиболее показательный, компактный и статистически значимый тип подвесок для анализа украшений. В культурном слое стоянки таких изделий обнаружено более 20 экз. К сожалению, только 14 предметов имеют точную привязку. Пространственное распределение демонстрирует концентрацию украшений из клыков на участке около могилы 2 (рис. 5–7) на уровне 3–5 условных горизонтов культурного слоя. На остальной площади стоянки подвески из зубов песца не составляют каких-либо скоплений. Следует отметить тот факт, что практически все шилья, обнаруженные в культурном слое стоянки, также концентрируются на участке около могильного пространства. Подобная картина, видимо, сложилась благодаря специфической деятельности, связанной с подготовкой к погребению.

Яркой аналогией этому может служить пространственное распространение украшений из зубов песца, игл и игольников в непосредственной близости от

Рис. 1. Сунгирь, украшения из бивня (1–3 — детское погребение; 4 — культурный слой): 1 — бусины; 2–4 — имитации клыков оленя. Масштаб: *a* — для № 1; *б* — для № 2–4

Fig. 1. Sunghir, personal ornaments made of ivory (1–3 — children's burial; 4 — cultural layer): 1 — beads; 2–4 — imitation of deer canines. Scale: *a* — for No. 1; *б* — for Nos. 2–4

Рис. 2. Сунгирь, детское погребение, украшения из бивня: 1–7 — бусины; 8 — заготовка бусины; 9 — подвеска; 10 — резной диск. Масштаб: *a* — для № 1–8; *б* — для № 9, 10

Fig. 2. Sunghir, children's burial, ivory personal ornaments: 1–7 — beads; 8 — bead preform; 9 — pendant; 10 — carved disk. Scale: *a* — for Nos. 1–8; *б* — for Nos. 9, 10

Рис. 3. Сунгирь, подвески и заготовка подвески из камня
 Fig. 3. Sunghir, stone pendants and a pendant preform

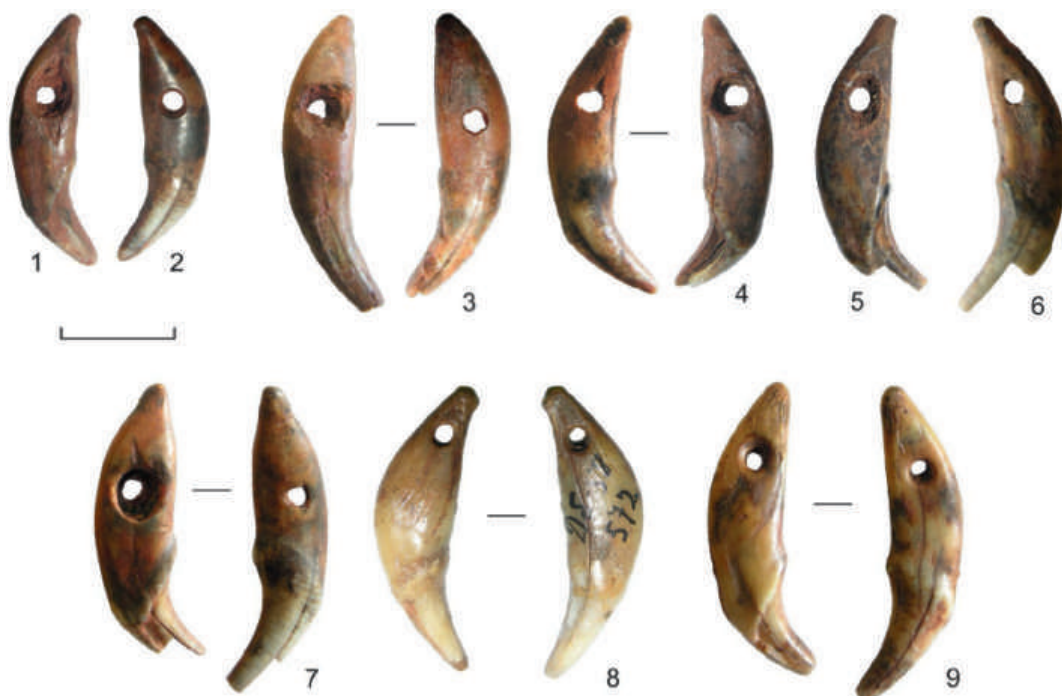

Рис. 4. Сунгирь, украшения из клыков песца
 Fig. 4. Sunghir, personal ornaments of polar fox canines

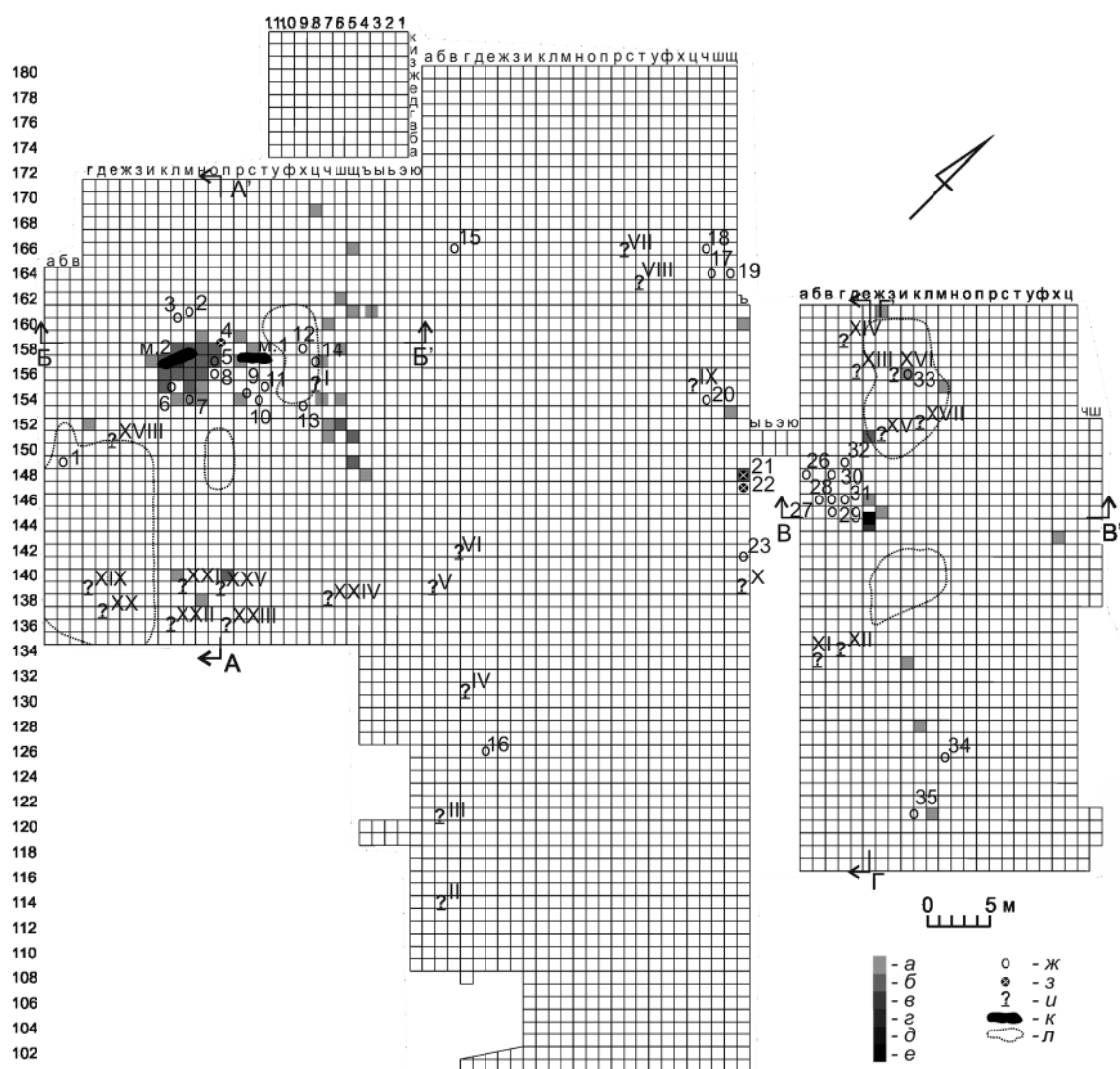

Рис. 5. Сунгирь, распространение украшений в культурном слое стоянки, план. Условные обозначения для рис. 5–7: а–е — количество находок украшений на 1 м² (а — 1 находка; б — 2–10 находок; в — 11–20 находок; г — 21–40 находок; д — 41–60 находок; е — > 100 находок); ж — очажная яма; з — ритуальная яма; и — кострище; к — могила; л — скопление костей

Fig. 5. Sunghir, spatial distribution of personal ornaments in the cultural layer. Legend for figs. 5–7: а–е — number of adornments found on 1 m² (а — 1 find; б — 2–10 finds; в — 11–20 finds; г — 21–40 finds; д — 41–60 finds; е — > 100 finds); ж — hearth pit; з — ritual pit; и — fire place; к — grave; л — accumulation of bones

погребения на стоянке Костёнки 15 (Житенев 2007). В культурном слое Городцовской стоянки подвески из зубов песца были обнаружены как в погребении (более 150 экз. были нашиты на головной убор), так и в непосредственной близости от него, на ограниченном участке культурного слоя (более 30 экз.). Для изготовления подвесок были достаточно равномерно использованы все морфологические подклассы зубов, не менее чем от 11 особей песца. Планиграфическое распределение костяных орудий, традиционно связываемых с производством и отделкой одежды, показало очевидную взаимосвязь местоположения подвесок и игл с игольником.

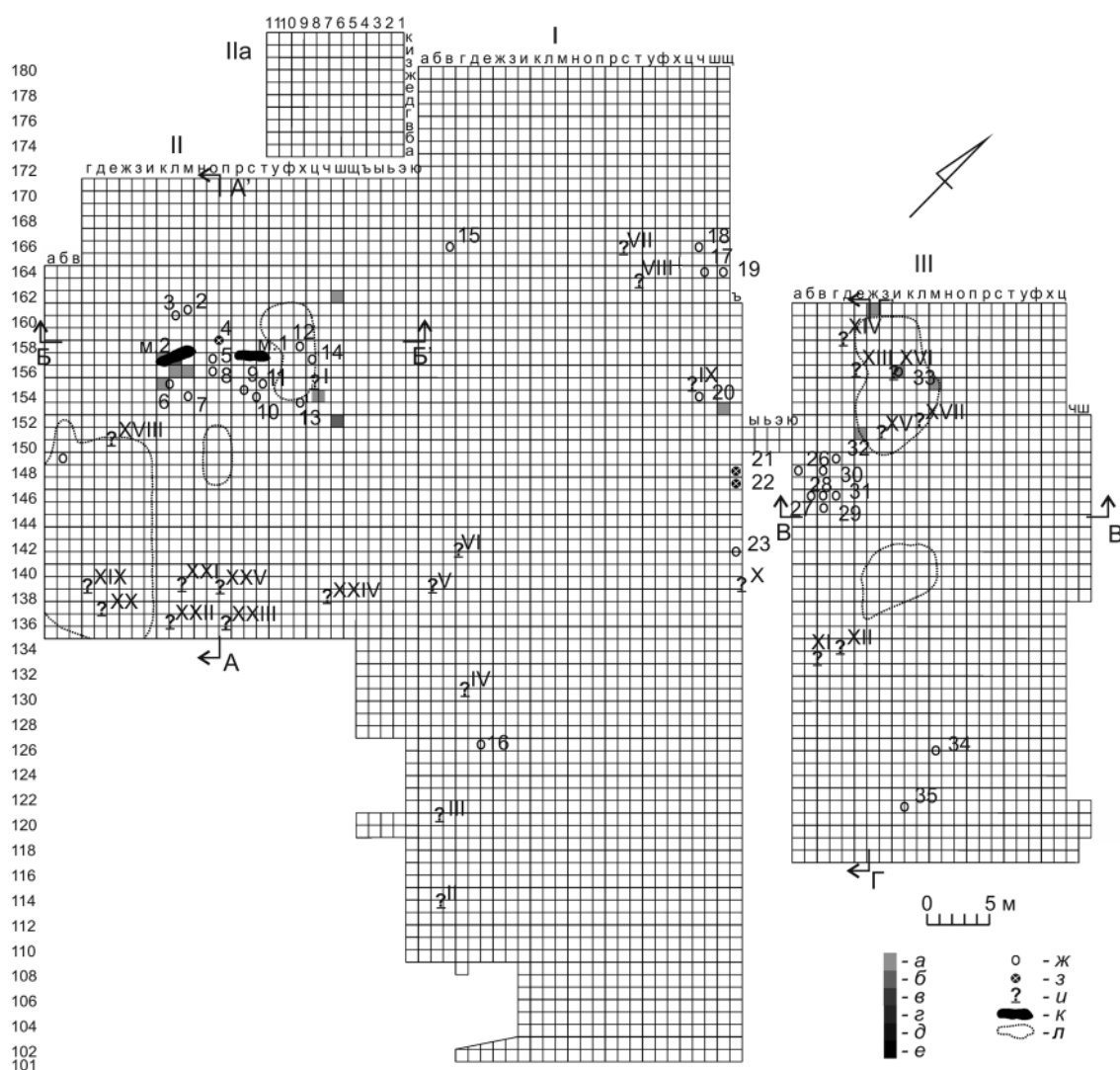

Рис. 6. Сунгирь, распространение украшений из зубов песца в культурном слое стоянки, план
 Fig. 6. Sunghir, sspatial distribution of personal ornaments made of polar fox teeth in the cultural layer

Подобная картина, видимо, сложилась благодаря относительно недолгой целенаправленной деятельности, связанной с подготовкой к погребению, после чего по крайней мере участки стоянки вокруг захоронения практически не подвергались активному использованию.

Наглядным подтверждением тезиса о неслучайном характере концентрации подвесок из клыков песца около могилы 2 служат результаты анализа пространственного распространения всех видов украшений и их заготовок в культурном слое стоянки (рис. 5). На представленный план нанесено подавляющее число обсуждаемых изделий, но не все, поскольку для некоторой части украшений отсутствуют данные об их положении в слое. Большая часть украшений в зоне концентрации у могилы 2 обнаружена в 3–5-м условных горизонтах культурного слоя, как и в незначительном по площади скоплении в раскопе III, необычайно богатом по количеству украшений и заготовок для них (рис. 7).

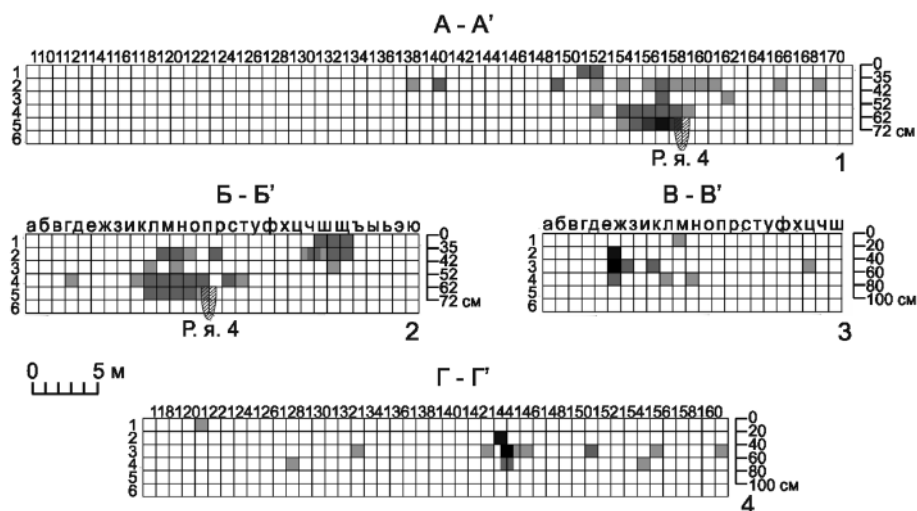

Рис. 7. Сунгирь, распространение украшений в культурном слое стоянки: AA' и BB' — раскоп II, профили по линиям ЮЗ–СВ и ЮВ–СЗ; BB' и ГГ' — раскоп III, профили по линиям ЮЗ–СВ и ЮВ–СЗ. Условные обозначения: а–е — см. рис. 5

Fig. 7. Sunghir, spatial distribution of personal ornaments in the cultural layer: AA' and BB' — excavation area II, profiles along the SW–NE and SE–NW lines; BB' and ГГ' — excavation area III, along the SW–NE and SE–NW lines. For legend (a–e) see fig. 5

В результате зооархеологического изучения более 180 украшений из клыков песка (происходящих из погребений и культурного слоя) можно уверенно говорить о том, что для изготовления подвесок достаточно равномерно использовались все морфологические подклассы клыков более чем от 50 особей песка.

Особенности техники изготовления украшений Сунгирской стоянки подробно описаны С. А. Семеновым, а затем дополнены Р. Уайтом и Г. А. Хлопачевым (Семенов 1968; Хлопачев 2006; White 1999).

В результате исследования клыков песка было зафиксировано определенное несоответствие в технической манере изготовления отверстий украшений из погребений и культурного слоя стоянки. Подавляющее большинство подвесок из клыков, обнаруженных в погребениях, демонстрирует явные признаки изготовления этих украшений несколькими мастерами.

Заготовок украшений из зубов песка в культурном слое Сунгирия нет, хотя заготовки некоторых видов других украшений (каменных подвесок, бус из бивня) встречаются. Единственными изученными мною палеолитическими памятниками, на которых были обнаружены серии заготовок украшений из зубов животных, являются коллекции стоянок Гагарино и Хотылево 2. Лишь два таких предмета обнаружены в погребении мужчины на Сунгире (могила 1, С-1). Заготовки разных украшений обнаружены в погребениях и детей, и мужчины (рис. 2; 3). Следовательно, можно считать, что существовала практика использования не только специально изготовленных для погребений предметов, но и использования недоделанных вещей. Проблема крепления украшений с незавершенной перфорацией решается в каждом случае отдельно: например, для браслета — помещение его на руке в согнутом состоянии под одежду или закрепление края внахлест; для украшений из клыков песка — размещение в/на массе охры, густо намазанной на голову

мужчины (аналогично примеру из тройного погребения в Дольни Вестонице II) либо прижимание тугой нитью на головном уборе (Svoboda 2006).

Само изготовление отверстия производилось с использованием различных индивидуальных подходов (рис. 4). Необходимо отметить большую вариабельность в предварительном уплощении корней клыков перед перфорацией. Наиболее часто встречающаяся перфорация клыков песка (как и подвесок из клыка волка) из культурного слоя — это двустороннее сверление. В погребении детей прослеживается значительная вариабельность техник перфорации. В данном случае также наблюдаются признаки работы разных людей. Так, одна серия клыков просверлена лишь с одной поверхности зуба, с другой стороны отверстие пробито и/или продавлено (аналогии этой технике представлены на некоторых заготовках подвесок из камня, найденных в культурном слое); при этом пробитое и/или прорезанное отверстие может быть как аккуратно оформленным разверткой или резанием (с целью выравнивания и/или расширения), так и оставлено неподработанным. Этот массив украшений неоднороден по манере изготовления отверстий и явно подразделяется на несколько отдельных серий, связанных, видимо, с индивидуальной манерой работы мастеров, о чем говорит устойчивая повторяемость описанных выше разных техник, связанных с разными манерами изготовления.

Аналогичные приемы, использовавшиеся для перфорации каменных подвесок, свидетельствуют о том, что одни и те же мастера изготавливали предметы из разных материалов. Схожие техники перфорации вещей из погребения мужчины и погребения детей могут свидетельствовать об относительно непродолжительном временном перерыве между использованием этих приемов — в пределах нескольких поколений (на уровне передачи культурно-технологической традиции «от внучки к бабушке»). Иным объяснением схожести технических приемов может быть длительное бытование уникальных «семейных» традиций. Но этой идее в некоторой части противоречат результаты наблюдения и анализа особенностей техник перфорации предметов из культурного слоя.

Значительная часть украшений, найденных в погребениях, не имеет следов износа (рис. 2), тогда как практически все подвески, обнаруженные в культурном слое стоянки, демонстрируют высокую степень изношенности. В погребениях встречаются и другие предметы, никогда, видимо, не использовавшиеся и явно несущие следы спешного, но тщательного изготовления. Одним из наиболее ярких примеров является скульптурное изображение — подвеска в виде лошади (рис. 8) из погребения мальчика. Не только украшения и образцы мелкой пластики были сделаны непосредственно перед погребением детей, но и копья из бивня и некоторые дротики (?) (Гиря, Хлопачев 2006).

Наличие браслетов, колец, дисков и ископаемых раковин, как и место украшений на костюме погребенных, находит аналогии в близком по времени раннем граветте Центральной Европы (напр., Klima 1987). Преобладание украшений из зубов песка и наличие имитаций клыка оленя — все это говорит о специфических групповых маркерах, традиционно использовавшихся коллективами охотников-собирателей на Русской равнине уже с начального верхнего палеолита и при культурном контакте/обмене с территорией Центральной Европы.

Вероятно, к украшениям относятся когтевые фаланги пещерного льва из детского погребения. Фаланги были расположены поштучно зеркально:

с правой стороны живота у каждого погребенного примерно на одном уровне — у пояснично-крестцового отдела (что, видимо, связано с определенными представлениями о месте этих символических объектов на одежде). Более того, у мальчика (С-2) был обнаружен «на левой скуле и почти между зубами — крупный когтевой сустав» пещерного льва (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь... 1998: 77). Еще одна когтевая фаланга найдена на кв. щ-151 в раскопе II приблизительно в 15 м к юго-востоку от могилы 2 (детское погребение). Рядом была найдена лапа льва (*Panthera spelaea*).

Костюмы погребенных различны по представленности украшений из клыков песца. У мальчика (С-3) был всего один клык в виде кулона на шее. В верхнем погребении могилы 2 (С-6), где были найдены только посткраниальные останки плохой сохранности, принадлежавшие, вероятно, женщине, украшений из клыков песца не зафиксировано. У двух индивидов — мужчины (С-1) и другого мальчика (С-2) из детского захоронения — в костюме были представлены украшения из клыков песца. Вероятно, украшение костюма сунгирцев подчинялось определенным регулирующим основам. Это хорошо видно на примере подвесок из клыков песца, использовавшихся в костюме мальчика (С-2) для декорирования головного убора и пояса, а у мужчины (С-1) — головного убора и штанов. Таким образом четко проявляется особая роль украшений из клыков песца в декорировании костюма и особенно головного убора. Вопрос о социально-возрастном и погребальном статусе детей и их костюмов (в сравнении с костюмами взрослых) требует отдельного рассмотрения.

Орнаментированные предметы

Орнаментированные предметы из культурного слоя и погребений Сунгиря малочисленны. Это выполненные из бивня зооморфная подвеска из культурного слоя, браслет, диски, веретенообразный предмет, жезлы с отверстиями из рога и бивня, фрагмент бивня мамонта (Soldatova 2017; Zhitenev 2017). Терминологическая и методическая базы описания и анализа орнамента построены на работах М. Д. Гвоздовер (1985).

Геометрический орнамент (линейный, сетчатый и концентрический) состоит из таких элементов, как лунки, линии (черточки, изредка уголки) и сегменты (орнаментальные розетки). Геометрические фигуры (например, четырехугольники, треугольники) и сложные узоры (елочка, зигзаг) нехарактерны. Основными элементами орнамента являются неглубокие лунки (иногда — лунки с углублением), выполненные сверлением; линии, представленные либо короткими нарезками (но не насечками), либо глубокими и широкими (в том числе и кольцевыми) врезанными линиями; сегменты орнаментальных розеток, выполненные прорезной резьбой.

Уплощенная зооморфная подвеска (5,6 × 2,7 × 0,4 см) — схематичная фигурка лошади, украшенная по обеим сторонам орнаментом из лунок и окрашенная охрой (рис. 8). На правой стороне фигурки от морды до крупа идут две плавно изогнутые линии — каждая по 20 лунок, линии на ногах по пять лунок, включая выполненное двухсторонним сверлением сквозное отверстие для подвешивания. На левой стороне фигурки линии выполнены иначе, они менее изогнуты и не так тщательно спланированы. Верхняя линия состоит из 17 лунок, нижняя — из 19. На передней ноге просверлено четыре лунки, на задней — пять. Поверхность фигурки тщательно заполирована. Кроме небольшого количества следов изготовления и обработки сохранились следы разметки сетки орнаментальных линий из лунок.

Диск (3,1 × 3,1 × 0,3 см) из бивня найден в культурном слое. Одна сторона его более уплощена. Диск орнаментирован сквозным односторонним отверстием

Рис. 8. Сунгирь, подвеска из бивня в виде фигурки лошади
Fig. 8. Sunghir, ivory pendant in the form of a horse figurine

Рис. 9. Сунгирь, веретенообразный предмет из бивня, орнаментированный сверлеными лунками
Fig. 9. Sunghir, spindle-shaped object of ivory decorated with drilled dimples

Fig. 9. Sunghir, spindle-shaped object of ivory decorated with drilled dimples

в центре и восемь отходящими от него на обеих сторонах лучами из лунок. Каждый луч, отходящий от центрального отверстия, состоит из четырех лунок.

Веретенообразный (в форме челнока) предмет из бивня ($18,2 \times 3,3 \times 3,0$ см) плохой сохранности (рис. 9) найден в женском погребении (могила 2, С-6). Предмет с уплощенным основанием, подокруглый в сечении, поверхность заполирована (сохранились или гравированные линии, или следы строгания?). Оба конца заострены, со следами поперечных зарубок (аналогичных вмятинам-лункам, очень похожим на один из основных элементов орнамента в швабском ориньяке) и использования в качестве ретушера. На поверхности прослеживаются следы охры (?). Примерно посередине предмета нанесен точечный орнамент — поясок. Он представляет собой линию из шести неглубоких сверленных округлых лунок. Чуть дальше, также поперек предмета, располагаются еще две высверленные точки. Судя по расположению орнамента, поясок из лунок проходил по центральной округлой части предмета.

Широкий браслет из бивня ($20,5 \times 2,2 \times 0,2$ см) из мужского погребения (могила 1, С-1). На одном конце сохранились оба отверстия, на другом — одно (второе отверстие обломано). Поверхность браслета заполирована, на некоторых участках изнутри и снаружи есть следы охры (возможно, браслет был одет на уже покрытую охрой поверхность). На обеих сторонах браслета — орнамент из лунок. На внутренней поверхности браслета орнамент из 15 лунок нанесен перпендикулярно основной оси предмета (Муравьева 2001). Глубина лунок небольшая, некоторые только намечены. Два ряда из шести лунок расположены по ширине браслета. Две лунки находятся рядом со второй и третьей лунками одной линии. Рядом со второй лункой другой линии — еще одна. Визуально складывается следующий орнаментальный узор: две линии по шесть лунок, каждая из которых пересекается двумя другими линиями, состоящими из трех и из четырех лунок. На внешней поверхности браслета, почти в центре, поперек предмета располагается поясок из четырех точек.

«Жезл» с отверстием из бивня ($18,6 \times 5,1 \times 1,1$ см) найден в детском погребении (могила 2, С-3), в левой части области живота мальчика. Жезл со следами охры имеет четырехугольную головку с прорезанным округлым отверстием. Рукоятка «жезла» овальная в сечении и уплощается к слегка заостренному концу. На лицевой стороне изделия вокруг отверстия на головке и далее вниз, до середины рукояти, нанесен орнамент из лунок. Вокруг отверстия сделано 23 лунки; по краям головки — девять с одной и десять с другой стороны. Вдоль рукояти лунки образуют две параллельные линии по 18 и 19 ямок. Примерно посередине рукоятки высверлены четыре лунки между параллельными рядами, образующие третью линию; слева от параллельных рядов — еще три лунки.

Прорезной диск из бивня ($2,8 \times 2,6 \times 0,3$ см) найден в детском погребении (могила 2, С-3) на затылочной части черепа мальчика. В центре диска прорезано отверстие подовальной (подчетыреугольной?) формы. Четыре подовальных отверстия расположены вокруг центрального. Многочисленные следы изготовления создают впечатление, что диск был сделан, как и ряд других предметов из могилы 2, непосредственно перед совершением акта погребения. Общее впечатление от внешнего вида диска (неаккуратность и явное неумение в изготовлении, то есть признаки отсутствия наработанных навыков, а также отсутствие изящества формы законченного изделия), особенно по сравнению с аналогичными предметами, позволяет предположить, что его создателем был ребенок.

Прорезной диск из бивня (7,0 × 6,8 × 0,7 см) найден в детском погребении (могила 2, С-2), был припаян известью в вертикальном положении к большому копыю. Первоначально находился, вероятно, на реконструируемом деревянном копье. Вокруг одного прорезанного центрального округлого отверстия расположены 10 прорезанных подовальных сегментов, сужающихся к центру. В ходе разметки или изготовления мастером были допущены незначительные ошибки, скорректированные в процессе работы за счет уменьшения одного из сегментов.

Прорезной диск из бивня (5,8 × 5,6 × 0,4 см) найден в детском погребении (могила 2, С-3) на одном из бивневых дротиков. Вокруг одного прорезанного центрального округлого отверстия расположены восемь прорезанных подовальных сегментов. Поверхность заполирована, следы изготовления отчетливо видны.

Прорезной диск из бивня (10,0 × 9,9 × 0,8 см) найден в вертикальном положении в детском погребении (могила 2, С-3). Вокруг одного прорезанного центрального округлого отверстия расположены восемь прорезанных подовальных сегментов, сужающихся к центру. Сегменты преднамеренно разделены на две части (по четыре в каждой) по размеру. Дугообразный внешний край самого большого сегмента имеет прорезанные паз и округлую выемку (придающие сегменту случайный вид зооморфной головы с ушками). Похожие выемки (мелкие пазы, нарезки) разной формы присутствуют на части других сегментов. Диск долгое время использовался, судя по следам и заполировке от длительного применения.

Фрагмент *костяного «черенка»* (3,4 × 1,1 × 0,8 см) (рис. 10) найден в погребении мужчины, в слое охры под левой большой берцовой костью (могила 1, С-1). Рабочий конец орудия сильно скошен и несет следы заполировки от длительного использования. Фрагмент рукояточной части предмета покрыт нарезным кольцевым орнаментом, который, очевидно, можно охарактеризовать как ориньякский. Нарезки широкие и глубокие, но в некоторых местах нарезки не увеличены и остались узкими и неглубокими линиями. Узкая полоса заполировки фиксируется на части нарезок, располагающихся ближе к рабочему концу предмета.

Роговой «жезл» с отверстием (26 × 9,2 × 2,1 см) найден в детском погребении, за копиями, слева от скелета девочки (могила 2, С-3). Отверстие прорезано, на поверхности «жезла» есть следы охры. На торцевые края рукояти нанесены группы коротких и относительно широких перпендикулярных нарезок: 26 и 22 линии. Они расположены с неодинаковыми интервалами, на некоторых заметны следы затертости.

Фрагмент бивня мамонта с орнаментальными нарезками и гравировками найден в «ритуальной яме», располагавшейся между могилами. Кроме этого фрагмента в яме обнаружены другие части бивня, в том числе пережженные, а также изделия из камня, бивня, рога и кости, включая бивневые бусины, охру, кость птицы, «позвонки одного целого хвоста песка и два позвонка от другого хвоста» (Бадер 1978: 78). Фрагмент бивня уплощен сколом, который позволяет устойчиво находиться в горизонтальном положении. Орнамент из нарезок располагается на плохо сохранившемся краю скола бивня, состоит из одного ряда из 16 или 17 рельефных

Рис. 10. Сунгирь, костяной «черенок» с нарезным кольцевым орнаментом

Fig. 10. Sunghir, bone «haft» with engraved circular ornament

коротких широких нарезок (возможно, ограниченных гравированной линией снизу). На этом же фрагменте бивня есть ясно читаемые гравировки. Они являются не единственным примером гравирования фрагментов бивня на Сунгире (Там же).

Заключение

Открытым остается вопрос о характере нарезного орнамента на жезле с отверстием — символическом или техническом, учитывая гипотезы об использовании подобных предметов в качестве орудий для изготовления веревок (Rigaud 2001). Бытование сложных костюмов у обитателей Сунгира обосновал на материалах погребений О. Н. Бадер (1978). Гипотеза о возможном существовании ткачества на Сунгире была впервые высказана О. А. Соффер с соавторами (Soffer et al. 2000). Гипотетически к предметам, имеющим отношение к обработке органических материалов, возможно отнести диск из бивня, обнаруженный в погребении детей.

М. Д. Гвоздовер писала о том, что «характер размещения элементов и их выбор вызваны не техническими причинами, а культурной традицией» и «археологическую культуру характеризуют как сами элементы орнамента, так и тип их расположения на орнаментальном поле и группировка элементов» (Гвоздовер 1985: 19). В связи с выявлением устойчивых взаимосвязей между типами поделок и особенностями их орнаментации можно говорить о параллели в форме и характере орнаментации между ориньяжскими образцами мелкой пластики Западной и Центральной Европы и Сунгирем. Типично ориньяжский орнамент, с точки зрения техники нанесения, представлен в материалах слоя 3 стоянки Костёнки 1, где, как и на ориньяжских швабских стоянках, доминирует аналог клиновидной насечки/вмятины.

Расположение орнаментального поля на предметах и тип организации элементов орнамента Сунгира, а также некоторые типы украшений находят близкие аналогии в материалах как памятников ранней поры верхнего палеолита и ориньяжских памятников Восточной, Центральной и Западной Европы, так и ряда урало-сибирских стоянок этого времени (напр., Sinitsyn 2012; Vanhaeren, d'Errico 2006).

Отсутствие в Сунгире некоторых видов украшений из бивня, как и редуцированный набор видов животных, из зубов которых изготавливали подвески, является особенностью верхнепалеолитических памятников Русской равнины и в раннем верхнем палеолите, и в граветтийское время (Житенев 2007). Видимо, некоторая редуцированность типов украшений является специфической региональной особенностью.

Культурную принадлежность Сунгира, с моей точки зрения, однозначно определить нельзя — в связи с прямыми свидетельствами мозаичных влияний разных европейских традиций раннего верхнего палеолита, а возможно, и раннего граветта, как на каменный (стрелецкой, селетской и других культур, см., напр., Gavrilov 2017) и костяной инвентарь, в том числе предметы искусства и орнамент (особенно — ориньяжской), так и на погребальный обряд, включая особенности костюма погребенных (ранний граветт?). Вместе с тем, по крайней мере, в ряде аспектов техники изготовления украшений Сунгира прослеживается влияние традиций и «начального» верхнего палеолита (включая явные параллели с украшениями из слоя 2 Костёнок 17) (Житенев 2011; Zhitenev 2017). Учитывая весь комплекс имеющихся на сегодняшний день данных, наиболее корректным будет определить культурное своеобразие материалов Сунгира как конкретно-исторический феномен полигенетического характера (Гаврилов 2016).

Литература

- Бадер 1967 — Бадер О. Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь // СА. 1967. № 3. С. 142–159.
- Бадер 1973 — Бадер О. Н. Вторая палеолитическая могила на Сунгире (Верхнее погребение) // СА. 1973. № 3. С. 133–145.
- Бадер 1978 — Бадер О. Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бадер 1998 — Бадер О. Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). М.: Научный мир, 1998. С. 5–158.
- Гаврилов 2016 — Гаврилов К. Н. Миграция, диффузия... развитие? К вопросу о происхождении восточного граветта на Русской равнине // Stratum plus. 2016. № 1. С. 29–50.
- Гвоздовер 1985 — Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костёнковской культуры // СА. 1985. № 1. С. 9–22.
- Гиря, Хлопачев 2006 — Гиря Е. Ю., Хлопачев Г. А. Копья из двойного погребения подростков сунгирьской стоянки (технологический анализ) // Никонова А. А. (отв. ред.). In SITU: к 85-летию проф. А. Д. Столяра: Сб. ст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 69–87.
- Житенев 2007 — Житенев В. С. Подвески из зубов животных ранней и средней эпох верхнего палеолита Русской равнины // Леонова Н. Б. (науч. ред.). Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 40–61.
- Житенев 2011 — Житенев В. С. Украшения из клыков песца Сунгирьской верхнепалеолитической стоянки // Беляева В. И., Мурашкин А. И. (ред.). Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: Тез. конф. (СПб., 5–6 декабря 2011 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 54–57.
- Муравьева 2001 — Муравьева А. Н. Браслеты из погребения мужчины со стоянки Сунгирь // Материалы исследований: Сб. № 7: Материалы НПК (28 ноября 2000 г.). Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2001. С. 86–92.
- Позднепалеолитическое поселение Сунгирь... 1998 — Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Бадер Н. О. (отв. ред.), Лаврушин Ю. А. (ред.). М.: Научный мир, 1998. 158 с.
- Семенов 1968 — Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 356 с.
- Хлопачев 2006 — Хлопачев Г. А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: Наука, 2006. 262 с.
- Gavrilov 2017 — Gavrilov K. N. Sungir: the choice between Szeletian and Aurignacian // Vasilyev S., Sinitsyn A., Otte M. (eds.). Le Sungirien. Liège, 2017. P. 107–117 (ÉRAUL. No. 147).
- Klima 1987 — Klima B. A triple burial from the Upper Paleolithic of Dolní Věstonice, Czechoslovakia // Journal of Human Evolution. 1987. Vol. 16, no. 7–8. P. 831–835.
- Kuzmin et al. 2014 — Kuzmin Y. V., van der Plicht J., Sulerzhitsky L. D. Puzzling radiocarbon dates for the Upper Paleolithic site of Sungir (Central Russian Plain) // Radiocarbon. 2014. Vol. 56, no. 2. P. 451–459.
- Marom et al. 2012 — Marom A., McCullagh J. S. O., Higham T. F. G., Sinitsyn A. A., Hedges R. E. M. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Paleolithic modern humans // Proceedings of the National Academy of Science. 2012. Vol. 109, no. 18. P. 6878–6881.
- Rigaud 2001 — Rigaud A. Les bâtons percés: décors énigmatiques et fonction possible // Gallia préhistoire. 2001. T. 43. P. 101–151.
- Sikora et al. 2017 — Sikora M., Seguin-Orlando A., Sousa V. S., Albrechtsen A., Korneliussen T., Ko A., Rasmussen S., Dupanloup I., Nigst P. R., Bosch M. D., Renaud G., Allentoft M. E., Margaryan A.,

- Vasilyev S. V., Veselovskaya E. V., Borutskaya S. B., Deviese T., Comeskey D., Higham T., Manica A., Foley R., Meltzer D. J., Nielsen R., Excoffier L., Lahr M. M., Orlando L., Willerslev E. Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers // *Science*. 2017. Vol. 358. P. 659–662.
- Sinitsyn 2012 — *Synitsyn A. A.* Figurative and decorative art of Kostenki: chronological and cultural differentiation // Clottes J. (ed.). *L'art pléistocène dans le monde*. Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées. 2012. No. 65–66. P. 1339–1359.
- Soffer et al. 2000 — *Soffer O., Adovasio J., Hyland D.* The “Venus” figurines — textiles, basketry, gender, and status in the Upper Paleolithic // *Current Anthropology*. 2000. Vol. 41, no. 4. P. 511–537.
- Soldatova 2017 — *Soldatova T. E.* Characterizing the Early Upper Paleolithic bone industry from Sungir // Vasilyev S., Sinitsyn A., Otte M. (eds.). *Le Sungirien*. Liège, 2017. P. 85–93 (ÉRAUL No. 147).
- Svoboda 2006 — *Svoboda J.* The Burials: Ritual and Taphonomy // Trinkaus E., Svoboda J. (eds.) *Early Modern Human Evolution in Central Europe: The People of Dolní Věstonice and Pavlov*. Dolni Vestonice Studies 12. New York: Oxford University Press, 2006. P. 15–26.
- Vanhaeren, D’Errico 2006 — *Vanhaeren M., D’Errico F.* Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // *Journal of Archaeological Science*. 2006. Vol. 33, no. 8. P. 1105–1128.
- White 1992 — *White R.* Beyond Art: Toward an Understanding of the Origins of Material Representation in Europe // *Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 297–331.
- White 1999 — *White R.* Intégrer la complexité sociale et opérationnelle: la construction matérielle de l’identité sociale à Sungir // Averbough A., Cattelain P., Jullien M. (eds.). *Préhistoire d’os*. Recueil d’études sur l’industrie osseuse préhistorique offert à Henriette Camps-Faber. Aix-en-Provence, 1999. P. 320–329.
- Zhitenev 2017 — *Zhitenev V. S.* Personal ornaments and decorated objects from the Early Upper Paleolithic site of Sungir // Vasilyev S., Sinitsyn A., Otte M. (eds.). *Le Sungirien*. Liège, 2017. P. 73–84 (ÉRAUL. No. 147).

ADORNMENTS AND ORNAMENTED OBJECTS OF SUNGHIR: A BRIEF OVERVIEW

V. S. ZHITENEV

Keywords: Upper Paleolithic, Sunghir, adornments, ornament, ivory, Paleolithic art.

The paper deals with adornments and art objects from the site of Sunghir. The character of culture of this Upper Paleolithic site remains controversial. The first results of the complex study of adornments and ornamented objects make it possible to reassess this material from the point of view of interrelationship between different areas of the site and different burials. The identification of individual technologies used to manufacture beads of certain types was helpful in tackling this problem. The results of the study of ornamentation techniques and principles governing its layout allow to identify typical cultural peculiarities of Sunghir. The techniques used in manufacturing of some types of Sunghirian pendants were influenced by the traditions of the Initial Upper Paleolithic of the Russian Plain (Kostenki XVII/2). The Aurignacian traditions in adornments and ornamental motifs are similar in both rare materials from the Russian Plain and Central/Western European materials. The complex mosaic of cultural phenomena characteristic of Sunghir sheds new light on cultural and historical processes (including migrations of people and ideas) that took place in Europe in the Early Upper Paleolithic.